

КУЛЬТУРНЫЙ КОД НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: ТРАНСЛЯЦИЯ ТРАДИЦИЙ (на материале рассказов о «родных покойниках»)

Е. А. НИКОЛАЕВА,

доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»

М. А. ТРОСТИНА,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, РФ)

Среди текстов, бытующих в современном устном репертуаре мордвы и русских, проживающих на территории Мордовии, одно из ведущих мест занимают рассказы о «родных покойниках». Это связано с культом умерших предков, которому эрзя и мокша поклоняются и сегодня, выставляя по дороге на кладбище столы с поминальной едой для чествования близкого покойного во время похоронной процессии, навещая «родные могилки» и «угощая» своих предков во время любых похорон, «переодевая» покойного в ритуальный день в новую одежду, провожая на кладбище душу умершего на сороковой день и т. д. Культ предков относится к числу ведущих и у русского населения Мордовии, что объясняется проживанием на общей территории и в связи с этим непрерывным процессом взаимовлияния культур народов-соседей.

«Родные покойники» – это возвращающиеся с различными целями из загробного мира умершие родственники. Слово «родной» используется информантами не только для обозначения родственных отношений, но и для определения значимости персонажа для рассказчика, очевидца, участника событий. Явившийся во сне покойник упрекает родственников за неточное соблюдение ритуала или неисполнение его воли: не в той одежде похоронили, плохо угостили людей на поминках, не поставили то или иное блюдо, сильно скорбят по усопшему, не одарили поминавших и т. д.

Нередко в таких рассказах сон выдается за явь, граница между сном и реальностью размывается. Человек ее не ощущает, вы-

давая привидевшееся в состоянии крайней усталости за достоверное: «У одной женщины умерла мать. А перед смертью мать наказывала дочери, чтобы та не закрывала двери, иначе увидит, как душа будет уходить. А дочь забыла и закрыла двери. Вдруг ночью чувствует, что ее кто-то за пятки теребит. Та проснулась, видит: перед ней стоит мать и говорит: “Открой двери. Зачем закрыла? – Теперь увидишь, как я уходить буду”. Тут дверь открылась, и мать исчезла. А дочь лежала все это время ни жива ни мертва. Все видела, все слышала, а пошевелиться не могла» [1].

Анализ показывает, что «родные покойники» приходят во сне к женщинам, на уровне бессознательного воспринимаемым как промежуточное звено между Природой и Социумом, Сакральным и Профанным. Понятие «промежуточная женщина» расшифровано психоаналитиком и философом К. П. Эстес. Используя в качестве эмпирического материала фольклорные данные, она делает вывод, что «промежуточная женщина» выступает посредницей между повседневной реальностью и мистическим бессознательным: «Промежуточная женщина – приемник и передатчик ценностей или идей. Именно она приносит в жизнь новые идеи, обменивает устаревшие идеи на новаторские, служит переводчиком и проводником между миром рационального и миром воображаемого. Она “слышит”, “знает”, “чувствует”, что должно произойти» [2, 285]. Эта промежуточность наделяет женщину способностью транслировать идеи, накопленные поколениями, что подтверждается анализом современного фольклора Мордовии.

Поступила 27.05.2015

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК   BIBLIOGRAPHY

1. Из авторского архива (2000–2014 гг.). Записано в д. Гавриловка Старошайговского района Республики Мордовия.
2. Эстес, К. П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях / К. П. Эстес. – Киев : София ; Москва : ИД «София», 2003. – 496 с.
1. From author's personal archive (2000–2014). Written down in Gavrilovka village, Staroshaygovsky region, the Republic of Mordovia.
2. Estes, K. P. (2003) Running with wolves. A female archetype in myths and legends, Kiev: Sofia; Moscow: Sofia.

**PARENTAL WARNING IN THE “KALEVALA”
РОДИТЕЛЬСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ В ЭПОСЕ «КАЛЕВАЛА»**

Ниина ХАМАЛАЙНЕН (N. HÄMÄLÄINEN),
University of Helsinki
(Helsinki, Finland)

In this paper¹, I will discuss the textual practices of Elias Lönnrot in compiling his presentations of folk poetry. Regarding Lönnrot's objective to control interpretations of the readers and his aim to manipulate folk poem material, I will examine the explicit warnings in Aino and Kullervo poems of his master work, the New Kalevala (1849). The poems of Aino and Kullervo are mainly developed through Lönnrot's composition and there are neither poems nor characters identical to Aino and Kullervo as such in the folk poetry tradition. The Kullervo poems in the Kalevala have been regarded as concerned with certain tendencies; poems in which Lönnrot emphasized the destiny of a mistreated child and the role of parents as educators. The Aino poems describe a relationship between a daughter and her mother underlined by customs of marriage agreements. Both of these cycles of poems have been regarded as having a pedagogical tendency [1, 461, 492].

Both the Aino and Kullervo poems of the New Kalevala contain educational instructions

for parents. Wise Väinämöinen is attributed with words of warning after Kullervo has committed suicide. The words are targeted at all parents so that they will know how to raise and care for their children. In this passage, the negative piece of advice «do not bring up a child crookedly» is set in relation to the explanation that otherwise «a child won't come to craps things» [2, poem 36: 351–360.] In the Aino poems, after Aino's death, Aino's mother finally understands her own flawed reaction and attitude toward her daughter's grief and consequently articulates a warning to all mothers [2, poem 4: 439–446].

The song example behind the warnings goes back to the script of a lullaby from Lönnrot's first collecting journey in 1828 that he transcribed in Kerimäki, in Eastern Finland (2, 41). This was the example from a mother singing to her child, uncertain about her child's future: «Ei tiitä emo tekiä / Eikä kantaja katala» [«Mother, maker, does not / nor the mean one who bore me»] [3, VI (1) 560]. In lullabies, the negative device and advice is usually combined with different wishes of the mother: the mother hopes that her child can support her in her old age or that her daughter will have a good man as a husband, or that a son will become successful. The advice in lullabies can also express desperate wishes, such as wishing for

¹ An earlier version of this paper has been previously published as an integrated part of the longer article “Do not, folk of the future, Bring up a child crookedly! Moral intervention and other textual practices by Elias Lönnrot” appearing in RMN Newsletter in 2013. The article is available in <http://www.helsinki.fi/folkloristiikka/English/RMN>.